

А.С.Ахиезер

**НРАВСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ОБЩЕСТВА:
ВОЗМОЖНОСТИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

АХИЕЗЕР Александр Самойлович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Нравственность и культура

В своей глубокой основе прогноз динамики общественных процессов одновременно есть и прогноз массовой воспроизводственной деятельности, включающей воспроизводство культуры, системы отношений, личности, самой этой деятельности в целом. Тем самым предметом прогноза является общественный субъект воспроизводства. Успех прогнозирования в значительной степени зависит от того, удастся ли в этом целостном и одновременно расчлененном процессе выявить минимальное количество содержательных характеристик, раскрывающих его максимально обобщенный смысл.

Смыслы человеческой деятельности включены в исторически сложившиеся культурные программы соответствующего общества. Человеческая деятельность существует как реализация этих программ, превращая их идеальное содержание, их смыслы в отношения, в производственные процессы. Тем самым воспроизводятся и сами программы. Они как реальное конкретное содержание культуры могут быть вычленены, прочитаны.

Культура организована многослойно, иерархично — от уровня, фиксирующего нюансы изменяющихся условий, до абстрактных представлений, фиксирующих общую ценностную ориентацию, субстанциональные основы мироздания и т.д. Для прогнозирования первостепенное значение имеет пласт культуры, определяющий систему важнейших ценностей, нравственное состояние общества. Нравственность является важнейшей, если не определяющей формой культуры. Она несет в себе программу, освоение которой каждым членом общества, или во всяком случае значительной его частью, создает культурное основание для воспроизводства отношений определенного типа. Различные культуры отличаются друг от друга не только конкретным содержанием нравственности, но и степенью ее вычлененности, значимостью среди других форм культуры. Нравственность может быть растворена в этих иных формах, в синкретической культуре в целом, в религии, она может не осмысляться людьми как особая форма культуры. Однако все это не меняет существа дела, не снижает роли нравственного аспекта культуры в воспроизводстве субъекта, культурных программ воспроизводства.

Среди других стран и народов Россия выделяется нравственной напряженностью, высокой значимостью нравственного переживания, осмысления событий (например, через оппозицию "справедливо— несправедливо", что отчетливо прослеживается в русской литературе). Практически это означает, что именно на нравственность ложится тяжесть быть основой значимых для общества решений, которая у других народов в большей степени приходится на иные вычлененные формы культуры: политику, экономические механизмы, право и т.д. Не вдаваясь в причины этого сложного явления, следует отметить, что оно усиливает значимость нравственности в прогнозировании социокультурной динамики России.

Нравственное многообразие как проблема прогноза

Любые процессы могут стать определяющими в обществе только в случае, когда они получают массовую нравственную санкцию, становятся реальным содержанием господствующей нравственности (во всяком случае, содержанием нравственности значительной части общества). Нравственность, вопреки распространенным представлениям, не статична и неизменна, а является сложным, противоречивым, возможно, конфликтным процессом. Представляет не только теоретический, но и практический интерес его динамика в России и рассмотрение сегодняшних (быть может, и завтрашних) проблем как результат и одновременно этап этой динамики.

История России представляет собой сложную, крайне противоречивую картину массовых нравственных идеалов. Они существуют в форме дуальных оппозиций, что является закономерностью организации культуры вообще. Исторически и логически исходным является традиционный нравственный идеал (в России он может быть назван "вечевым"), органически не отделимый от традиционного общества, традиционной суперцивилизации. В России он распался на два, и их можно представить в виде дуальной оппозиции: "соборный нравственный идеал — авторитарный". Постепенно в стране возникла и иная дуальная оппозиция массовой нравственности: "вечевой (включающий обе его формы) — либеральный нравственный идеал". Это есть форма оппозиции: "традиционная суперцивилизация — либеральная суперцивилизация". Термин "либеральная" в цивилизационном контексте не должен редуцироваться до его политического содержания, он характеризует всеобщую систему культуры, господствующие ценности одной из суперцивилизаций. Суперцивилизации и соответствующие им нравственные идеалы представляют собой первую, наиболее общую форму расчленения мирового исторического процесса и одновременно расчленения культуры. Различие этих двух суперцивилизаций можно проследить не только между разными культурами, но и внутри одной культуры. Их отношение, следовательно, носит как синхронный, так и диахронный характер. Специфика вечевого нравственного идеала — в его ориентации на воспроизводство общества в его статичном состоянии, включая исторически сложившуюся культуру, формы отношений, потребности, эффективность деятельности. Специфика либерального идеала — в воспроизводстве через постоянное стремление к прогрессу и развитию, повышению эффективности деятельности, в его нацеленности на успех, на решение все более сложных проблем через совершенствование культуры, условий, средств и целей.

Важным идеалом является утилитаризм, который распадается на дуальную оппозицию "умеренный — развитый утилитаризм". Складываются и особые гибридные идеалы, то есть основанные на попытках отождествления, по сути, чуждых, несовместимых идеалов. Но люди в интересах социальной стабильности часто пытаются закрывать на это глаза, скрыть от себя, например, что соборно-либеральный идеал есть почти механическое и потому чреватое развалом соединение разнородных, разрушающих друг друга нравственных идеалов [1].

Значение нравственных оппозиций для анализа динамики общества исключительно велико. Их полюса амбивалентны, их смыслы могут переходить друг в друга. Этот процесс — основа смыслообразования, вынесения решений, интерпретации программ массовых действий. Любые смыслы, решения — результат преодоления различий, противоположностей, противоречий, раскола полюсов дуальной оппозиции, которые несут в себе специфически организованный ранее сложившийся смысл. Формирование на их основе новых смыслов и решений следует определенной логике. Быстрое, логически моментальное переосмысление (оборачивание) явления на основе смысла одного полюса оппозиции к противоположному полюсу есть логическая инверсия. В России, как показали исследования [21], при решении масштабных, значимых проблем преобладают реакции именно инверсионного типа. Это оборачивание может повторяться, образуя тем

самым циклы. Инверсия может иметь место в результате того, что первый смысл, решение, соответствующая программа приводят к негативным последствиям, порождают у соответствующего субъекта дискомфортное социокультурное и психологическое состояние. Это вызывает эмоциональную реакцию, возможно, массовую и резкую, которая и является движущей силой инверсии, в частности, оборачивания полюсов нравственного идеала (например, переосмысление того или иного явления из воплощения добра в воплощение зла и т.д.) Это происходит как с отдельной личностью, так и с миллионами людей, связанными единой нравственной основой.

Инверсия постоянно ограничивается, теснится медиацией. Последняя реализуется как попытки человека выйти за рамки исторически сложившихся дуальных оппозиций, за рамки сложившейся культуры, ее программы. Медиация нацелена на формирование нового результата, элемента культуры, включающего синтез потенциалов каждого из полюсов, на установление смысла как меры между ними, что преодолевает ограниченность каждого из них. Тем самым формируется программа воспроизводства новых отношений, развития человека, общественного субъекта, общества. Если инверсия порождает циклы (например, повторяющееся оборачивание оппозиции соборного и авторитарного идеалов), то медиация, по крайней мере в тенденции, порождает накопление творческих инноваций, прогресс, оттесняющий ранее сложившиеся циклы, выдвигая новые нравственные оппозиции [3]. Инверсия и медиация всегда направлены от одного полюса к другому, эмоционально, а, возможно, интеллектуально стимулируют внутреннее антиэнтропийное напряжение субъекта.

Исключительно большая роль инверсии в истории России требует прогнозирования социокультурной динамики общества прежде всего как инверсионного процесса, что, однако, предполагает последовательную конкретизацию прогноза. Специфика излагаемой методологии прогнозирования кладет в основу анализ возможной реакции соответствующего субъекта на ранее сложившийся смысл, решения в их максимальной конкретности. Иначе говоря, должны быть выявлены содержание, направленность, масштабы инверсии. Здесь фокус социокультурного прогнозирования — во всяком случае, в обществе, где преобладает логика инверсии. Именно она, как показывают исследования, лежит в основе смены периодов и этапов в истории страны.

Принятая мною гипотеза социокультурной динамики России содержит представление о том, что в ее истории было два инверсионных периода, включающие циклы оборачивания господствующих нравственных идеалов. Первый — с образования государственности до ее гибели в 1917 году. Второй — с возникновения нового государства до распада СССР в 1991 году, что ознаменовало наступление третьего периода. Его прогноз может опираться на экстраполяцию инверсионного исторического опыта социокультурной динамики страны, опыта оборачивания массовых нравственных идеалов.

Анализ показывает, например, что переход ко второму (советскому) периоду можно рассматривать как результат массовой реакции инверсионного типа на значимые процессы, протекавшие в первом, предшествующем периоде российского общества. Попытки модернизации (начиная с реформ 1861) года включали стремление сдвинуть меру деятельности общества ближе к полюсу либеральной цивилизации. Эти попытки в конечном итоге стимулировали рост дискомфортного состояния, массовое стремление ответить либерализму, пришедшему к власти в феврале 1917 года, инверсионным возвратом к вечевому полюсу. Во всяком случае, здесь лежал главный энергетический потенциал этого переворота. Государственный аппарат, государственная власть первого периода в представлении значительной части общества потеряли нравственное оправдание своего существования, так как отошли от своей нравственной функции помогать царю в исполнении его миссии — быть гарантом уравнилительной справедливости. Царь потерял статус высшего воплощения сакральной правды. В результате в дуальной оппозиции "государство — догосударственные формы власти"

произошел инверсионный переход от государства к власти советов, то есть к власти самодельных локальных догосударственных образований вечевого типа. Советы воплощали идею власти "маленького человека", точнее, соборную власть коллектива этих людей.

Возникновение государственности второго периода было ответом на смертельную угрозу распада и гибели России, воплощающей, как полагали многие, высшую правду, идею всеединства человечества. Установление нового порядка было попыткой преодолеть дуальную оппозицию "ослабление, распад — возведение силы общества на уровень правды". Последний полюс мог трактоваться как "сила в правде" и как "правда в силе". Советская система была попыткой преодолеть распад посредством массового использования экстенсивных методов — вовлечения энергии масс-носителей архаичных форм воспроизводства, труда, тиражирования уже достигнутых форм организации производства, технологии. В лучшем случае это была попытка формирования некоторых гибридов архаичных форм с утилитаризмом, с усеченным использованием некоторых элементов либерализма, которые рассматривались не как нравственно самоценные, но лишь как средства. Это означало, что советская система (как она сложилась фактически) по самой своей сути оказалась гибридной попыткой соединения идеологического и духовного элементов двух основных типов суперцивилизации в каждой точке общества, попыткой их неорганического отождествления, носящего конфронтационный, расколотый характер.

Советская система в результате функционального банкротства советов, их беспомощности в масштабах, выходящих за рамки возможностей эмоциональных контактов, характерных для вечевых институтов, уже в начале существования новой государственности обернулась авторитаризмом в его крайних формах. Общество приобрело террористический характер, архаичные структуры в результате раскола между элементами традиционализма и усеченным либерализмом оказались под непрерывным насилием. Источником насилия было массовое возбужденное сознание, которое страшилось краха традиционных ценностей и отдалось под власть тотема-вождя, утверждающего высшую правду в борьбе с мировым злом. Общество второго периода складывалось в процессе величайшего ожесточения, все стороны жизни были пронизаны стремлением восстановить архаичные формы — крепостничество и даже рабство, что привело к гибели значительной части населения, к опасности спровоцировать термоядерный конфликт в мировом масштабе. Этот трагический процесс оказался мощным фактором, воздействующим на эмоциональное и интеллектуальное самосознание народа. Налицо нравственный фактор, определяющий содержание инверсионного перехода от второго к третьему периоду.

Этот переход характеризовался выходом на первый план усталости общества от насилия, от бесконечных реорганизаций, которые постоянно охватывали повседневность, труд, весь образ жизни. Массовой эмоциональной доминантой (а для части общества и интеллектуальной) оказалось стремление уйти от данного общества к порядку, который не угрожал бы террором и постоянной дезорганизацией жизни. Эту тенденцию можно было описать через дуальную оппозицию "господство гибридного нравственного идеала советского типа — господство либерального нравственного идеала". Эмоциональная доминанта перехода от советского периода к третьему была направлена от первого полюса этой оппозиции ко второму, то есть к господству либерализма. Появилась альтернатива обществу, основанному на нравственности, санкционирующей подавление человека. Открывалась возможность инверсионной замены ценности жизни, регламентируемой начальством, общиной, коллективом, на жизнь, следующую собственным имманентным ценностям, включая ценности повседневности.

Важнейшее значение для прогнозирования третьего периода имеет то, что он представляет собой результат непосредственной инверсии в ответ на антилиберализм советского периода. Сложность прогноза определяется, в частности, тем, что необходимо

учитывать столкновение двух различных тенденций. Одна заключается в том, что в обществе сохранилось господство инверсионной логики, то есть методологии осмысления, принятия решений, не соответствующей реальной сложности подлежащих разрешению проблем. Другая тенденция: именно в результате инверсии — попытки утвердить нечто прямо противоположное советскому антилиберализму — на первый план вышел либерализм. Парадокс этого поворота в том, что либерализм несовместим с определяющим характером инверсии. Господство либерального нравственного идеала неизбежно вступает в противоречие с господством инверсионной логики, что можно рассматривать как специфическое противоречие третьего периода, по крайней мере, его начала. Здесь ключ к пониманию современности.

Мера инверсии — медиации при переходе к третьему периоду значимо сместилась ко второму полюсу, хотя решающий перелом и не был достигнут. О подобной тенденции говорит, например, произошедший еще в конце второго периода отказ от господства манихейской, по сути, идеологии классовой борьбы, создающей нравственную основу для взаимного истребления людей, их разделения на собственно людей и нелюдей-насекомых. Об ослаблении влияния инверсионной логики свидетельствует ряд симптомов, скажем, то обстоятельство, что для современной молодежи (по исследованиям ВЦИОМ) проблема врагов менее актуальна, чем для других групп; она наиболее часто указывает на "нас самих" как врагов себе [4], что говорит о росте необходимой для медиации рефлексии. В разговорах усилились нотки самокритики ("мы сами во всем виноваты"). Это смещение следует признать важным позитивным фактором исторического процесса. Тем не менее, господство либеральных ценностей в обществе, где преобладает долиберальная логика, создает условия для крайне неустойчивого соборно-либерального гибрида. Нельзя закрывать глаза на то, что он чреват возможностью перерождения либерализма, прорастанием либеральной власти архаичными нравственными идеалами, возникновением неорганических нравственных сочетаний в результате потери либеральной нравственностью своего влияния в обществе.

Проблема многоуровневого прогнозирования нравственных процессов

Как показывает опыт реформ в России, важнейшая проблема прогнозирования заключается в том, что реформаторы всегда проектируют изменения поведения, образа жизни значительных масс людей в соответствии со своими, часто интуитивными представлениями о том, каковой должна быть эта деятельность в интересах страны, государства, всего народа. Практически содержащийся в таких представлениях прогноз расходился с реальным поведением людей. Это означало, что представления реформаторов о нравственных основаниях массовой деятельности оказывались качественно иными, чем действительные нравственные основания массовых человеческих действий.

Чем же объяснить столь существенное различие? Россия — это страна, "застрявшая" между двумя основными суперцивилизациями, господство традиционализма здесь оказалось подорванным, но при этом общество не превратилось в либеральное (ячейка либерального общества не стала господствующей). Это существенно усложняет прогнозирование социокультурной динамики, ибо в него вводится элемент суперцивилизационной неустойчивости, неопределенности, расколотости. Современный этап в значительной степени несет в себе советское наследие, которому присуще стремление решать некоторые задачи либерального общества — прежде всего встать на путь роста и развития в хозяйственной сфере, двигаться по пути модернизации, но посредством использования исторически сложившихся ячеек традиционного общества. В результате для советской системы оказались характерными гибридные неорганические первичные ячейки, создавшие своеобразный базис для политического двоевластия партии и советов. Советская государственная идеология представляла собой дуалистический,

манихейский, по сути, гибрид традиционализма и присущего ему локализма с усеченным либерализмом, ценности которого (прежде всего наука и техника) использовались для чуждых ему целей. Эта суперцивилизационная гибридность характеризуется тем, что в одном и том же сообществе можно обнаружить как нацеленность на сохранение неизменных, исторически сложившихся форм, так и стремление развивать их, повышать эффективность их функционирования; как намерение укреплять коллективизм, подавляющий личность, так и стремление к индивидуализму, разрушающему коллективизм. Раскол этих ценностей, сохранившийся и на современном этапе, несет мощный потенциал дезорганизации. Судьба этого раскола, его движение в рамках дуальной оппозиции "преодоление раскола — его усиление, вплоть до катастрофической необратимости" и должно быть выдвинуто в центр прогнозирования.

Раскол — сложнейшее явление. Оно выступает в разных формах [5]. Важнейшая форма раскола имеет место между наращиванием потребности в благах, главным образом материальных (что идет от роста утилитаризма, а также ценностей либеральной суперцивилизации) и отставанием адекватных потребностей в формировании, освоении соответствующих видов воспроизводства, труда. Страна, не научившись в должной степени решать задачи производства, встала на путь совершенствования потребления, перехода к его продвинутой форме. Этот разрыв, раскол сложился исторически. Традиционализм, подвергавшийся медленно нарастающему нажиму утилитаризма, отступал от своего классического запрета на развитие потребностей в благах, но оказывался значительно более стоек по отношению к потребностям в формировании, освоении соответствующих видов воспроизводства. Здесь не было полного застоя, тем не менее рост этого рода потребностей был фундаментально недостаточен. Положение резко ухудшилось в связи с массовым лишением возможности работать и просто истреблением тех слоев, которые — и в городе и в деревне — были наиболее активны в освоении развитых форм воспроизводства. Все это породило данную форму раскола, создало, по сути, патологическую ситуацию, когда острое возрастание как массовых, так и государственных потребностей толкало общество к утопической цели — повысить хозяйственный потенциал, активизируя, мобилизуя архаичные формы хозяйствования, точнее, пытаясь соединить, срастить их с элементами либеральной экономики.

Этот фундаментальный раскол выразился, в частности, в форме раскола между политикой внеэкономического принуждения и политикой экономического стимулирования, которые противостояли друг другу (как и две упомянутые выше формы потребностей) и усугубляли общую дезорганизацию. Такой раскол внутри первичной ячейки общества означал вместе с тем сохранение раскола между обществом и государством, так как последнее, представляя перед локальным миром общество в целом, постоянно, повседневно вмешивалось в ход процессов в каждой его ячейке, пытаясь соединить несоединимое — элементы двух различных суперцивилизаций. Само по себе это означало сохранение в новых формах старых проблем, что и привело к краху теперь уже советской государственности, попыток перестроить ее на либерально-демократической основе. Люди в процессе очередной инверсии в конечном итоге оттолкнули от себя это государство, сделавшее насилие над повседневной жизнью человека своей всеобщей функцией. Волна, подымавшаяся из глубин локальных миров, на этот раз была менее агрессивна, тем не менее содержащееся в ней стремление к локализму, приватизации всех форм жизни означало отказ от воспроизводства государства, общества в форме СССР.

Эта внутренняя расколотость массовых нравственных оснований, опирающихся на них потребностей в первичных ячейках общества крайне затрудняет сохранение единства общества при его изменениях и создает весьма сложную ситуацию для прогнозирования, препятствуя формулированию однозначного смысла и, следовательно, достаточно определенных решений.

Нравственные основания проектов реформ

Прогноз нравственной динамики общества должен быть необходимым элементом экспертных заключений по поводу массовой реакции на те или иные действия власти и другие значимые события, на попытки реализации различных проектов, вторгающихся в образ жизни больших групп людей, не соответствующих сложившейся нравственности. Анализ подобных проектов показывает, что обычно они не несут следов озабоченности нравственными последствиями попыток реформ. Зато в них можно обнаружить интуитивные представления о некотором автоматизме следования миллионов людей нормативным представлениям реформаторов. Например, попытка реализовать проект современной рыночной реформы в кратчайший срок (в 500 дней и даже еще быстрее) основывалась на уверенности, что хозяйственно значимая часть способных к труду работников в результате давления реформаторов, либо даже в результате отмены запретов на частную инициативу изменит содержание своих массовых повседневных решений в труде и образе жизни таким образом, что господство натуральных отношений сменится господством рыночных. На языке нравственных идеалов это означало, что в обществе будет быстро оттеснено господство архаичных форм традиционного идеала и умеренного утилитаризма и произойдет переход к господству развитого утилитаризма, либерализма.

Однако изучение реформаторского опыта России и других стран не подтверждает возможность такого, по сути, гигантского нравственного сдвига в краткий с исторической точки зрения миг. Для этого требуются целые эпохи. Кроме того, анализ этих попыток в России с начала модернизации не подтверждает такую возможность на эмпирическом уровне. Нравственный баланс сил в современной России показывает, что разновидности архаичного вечевоего идеала испытывают деструктивное для них давление утилитаризма. Тем не менее, важнейший для архаичного идеала принцип — для любой деятельности нужно найти "крышу", социально-политическое прикрытие — остается господствующим. Этот нравственный принцип противостоит либеральному идеалу, который определяет стремление строить хозяйственную деятельность на основе достижения более высокой экономической эффективности на конкурентном, рынке на основе личной инициативы. По сути, эти две цели противостоят друг другу как два полюса дуальной оппозиции, являющейся важнейшей конкретной формой оппозиции двух суперцивилизаций, их систем ценностей, нравственных идеалов.

Продолжающееся господство в нашем обществе первого принципа над вторым определяет существо российского хозяйства не как рыночного, а как особой системы монополии на дефицит. Отсюда характерное стремление любого субъекта деятельности найти защиту среди тех или иных сообществ, их элит, монопольно владеющих дефицитом в его различных формах и не склонных утверждать себя, решать свои проблемы посредством напряженного совершенствования собственной деятельности. Распространение либеральных принципов, развитие рынка сдерживается монополиями.

Сочетание массовых идеалов на всех уровнях общества сегодня порождает некоторое промежуточное, крайне болезненное состояние хозяйства, которое не может быть адекватно описано ни в категориях либеральной экономики, ни архаичного хозяйства. Ключ к его пониманию, а, следовательно, и к претендующим на успех проектам его изменения, прогнозам лежит в анализе причудливого сочетания тех нравственных основ, на которые опираются массовые решения. Смысл реформы должен ориентироваться на сдвиги в массовых ценностях, на возможность стимулировать соответствующие изменения в массовой базе тех или иных нравственных идеалов, ведущих от поисков внешней "крыши" к поискам путей самосовершенствования, достижения большей эффективности. Великие замыслы реформаторов обрекают себя на неудачу, игнорируя нравственность как важнейшую форму человеческой реальности.

При том же игнорировании нравственных процессов началась вооруженная борьба с сепаратизмом в Чечне. Прогноз, исходящий из гигантского перевеса России в военном

потенциале, ресурсах всех видов, вел к убеждению, что вооруженная операция принесет полный и быстрый успех. Однако анализ нравственного состояния общества свидетельствует о процессах, которые заставляют иначе взглянуть на чеченскую операцию. Усиление влияния утилитаризма приняло форму приватизации, то есть повышения ценности повседневной жизни, семьи и в особенности детей. Нынешняя демографическая ситуация такова, что в семье часто один ребенок, на которого направлено все внимание родителей. Потеря единственного сына ради Чечни, о которой многие в России имели весьма туманные представления, — кошмар и абсурд. Уже потому вокруг чеченской войны складывается крайне неблагоприятная, враждебная обстановка. Похожий процесс имел место и во время войны в Афганистане. Если в ее начале можно было говорить о ее поддержке (что мотивировалось якобы оправданностью превентивной меры против козней мирового зла), то постепенно абсурд той войны подтачивал нравственный мессианский пафос правды — той самой, которую Россия, по мнению многих, несла всем народам. Господствующий инверсионный характер принятия решений, коренящийся в вечевом идеале, стимулировал не столько медленный отход от мессианства, сколько резкий поворот к локальным ценностям. Пафос мессианства, который некогда поддерживал боевой дух народа, редуцируется для защиты своего огорода.

Принцип утилитаризма, включая его вульгарнейшие, примитивные формы, заставляет негативно относиться к чеченской войне, так как все считают, что она идет за счет рядовых граждан и что под ее предлогом государство снизит уровень массового потребления. Однако дело не только в росте влияния утилитаризма, но, как я уже говорил, десятилетия внутреннего насилия и войн инверсионным образом отвратили людей от участия в подобных действиях, что, возможно, представляет собой поворот исключительной важности в нравственном состоянии страны.

Война в Чечне погружена в крайне неблагоприятную нравственную среду. Это может повлечь за собой существенные негативные последствия, прежде всего рост общей дезорганизации, ослабление государственных институтов, власти, армии, всей системы управления, усиление дезинтеграции и одновременно попыток насильственно подавить негативные процессы на основе авторитаризма, что в конечном итоге еще больше усилит дезорганизацию. Анализ войны в Чечне с точки зрения нравственных процессов в обществе показывает, что она вплетается в общий процесс усиления раскола — прежде всего между народом и властью. Она закрепляет в культуре, в ее программах, решениях эстафету насилия, что подрывает попытки общества следовать путем развитого утилитаризма и либерализма.

Можно привести пример и удачного прогноза нравственного состояния общества. Ослабление мессианства, замыкание в локальных мирах открывает возможность вкладывать деньги в разжигание массовых иллюзий. АО "МММ" тратило на паблисити 10 млрд. рублей в неделю [6], сзывая в километровые очереди толпы новоиспеченных сторонников "рыночной экономики", которые своими деньгами спешили помочь АО расплатиться с энтузиастами прошлых очередей. Судя по публиковавшимся письмам, многие рассматривали АО "МММ" как очередную патерналистскую инстанцию, нового "батюшку", обеспечивающего всеобщую справедливость. Одновременно государство рассматривалось этими же людьми как воплощение мирового зла, всеми силами пытавшееся извести нового благодетеля. Открывается возможность делать капиталовложения в иллюзии культуры как в прибыльную отрасль, создавать институты, способные при массовой поддержке делать деньги из воздуха, точнее, из нашей культурной незрелости, бедности наших представлений. Здесь вновь можно наблюдать смесь утилитаризма с архаичной верой в тотема и столь же архаичной ненавистью к государству. Эту ситуацию можно описать через движение смысла между полюсами дуальной оппозиции "добрый начальник, дающий деньги, — алчный злодей-начальник, отнимающий их".

Эта логика таит в себе опасность социальной нестабильности, одинаково случайного преклонения перед одними людьми и институтами и ярость против других, столь же случайных, она не содействует продвижению вверх людей, способных реально стать на почву общего интереса. Иначе говоря, сложившаяся нравственная ситуация (ослабление мессианства и одновременно рост утилитаризма) позволяет в переструктурированном виде эксплуатировать древний миф о тотеме — носителе правды и одновременно источнике благ, место которого теперь может занять ловкий манипулятор, демагог, удачно уловивший рецепт приготовления и использования этого коктейля модернизированных мифов.

Отдавая реальность массовой нравственности на откуп людям, преследующим лишь локальные, в конечном итоге разрушительные для общества цели, мы открываем путь хаосу.

Кризис нравственности и возможность выхода

Прогноз требует, прежде всего, диагностики современного нравственного состояния общества. Его можно охарактеризовать как депрессивное, связанное с расколом между разными нравственными системами, проходящими через души людей, с отсутствием обобщающей нравственной санкции для утилитаризма, который воспринимается как отказ от нравственности вообще. Современное нравственное состояние в определенной степени сходно с тем, что было на рубеже первого и второго периодов, когда общество стояло перед важнейшим нравственным выбором. Однако формирование эффективного прогноза требует выявления не только сходства этих двух инверсионных поворотов, но и значимого для будущего различия. Главным действующим лицом в первом случае был крестьянин, воодушевленный идеями уравнительности, резко враждебный городу и государственной власти вообще. На общую ситуацию в значительной мере влияла крестьянская молодежь, предки которой веками жили в локальных мирах, окруженных враждебной средой. Кризис придал их страху, настороженности агрессивный характер, что породило жестокую конфронтацию в обществе, где человеческая жизнь ничего не стоила.

Сегодня главным действующим лицом стал горожанин, который, однако, не прошел школу зрелой урбанизированной культуры и во многом несет еще элементы традиционализма. Тем не менее, сильное влияние утилитаризма побуждает этих людей стремиться к благам жизни, все выше ценить собственную жизнь и жизнь своих детей. Существенно изменилось мироощущение человека. Психологически он должен адаптироваться к человечеству, о котором раньше мало что знал (сейчас он каждый день в той или иной форме общается с ним по телевизору). Он может еще не знать, как жить в этом мире, но не может с ним не считаться, не понимать, что эксцессы, инверсионные решения, погромы — все что угодно могут иметь неподконтрольные, широкомасштабные последствия, разрушительные и для его локального мира.

В этой ситуации раскол меняет свое содержание. Сохраняется неадекватность значимых масштабных решений, склонность принимать их, не столько прибегая к синтезу, компромиссу, сколько через победу в конфронтации, вплоть до использования силы против оппонентов, конкурентов, несогласных. Это несет опасность распада целого, роста локализма, столкновений частей и целого, частей между собой, опасность неспособности ограничивать, преодолевать растущую дезорганизацию. Свидетельством этого процесса является, например, рост катастроф на транспорте и производстве, в армии, где во время боев в Чечне 60% потерь военных были на совести самой армии [7]. Если даже этот процент преувеличен — уровень дезорганизации чудовищно высок.

Тем не менее, ослаб массовый экстремизм, способность людей поддаваться опасным лозунгам, требующим защиты общего интереса (что в России достаточно часто приобретало характер ожесточенных кровопролитий). Этим объясняется, что

современный россиянин значительно менее податлив на призывы к массовому насилию, чем это было в начале второго периода.

Однако в случае существенного ухудшения ситуации в стране, стимулирующего локальную или общую инверсию, не исключено, что возрастет возможность согласия с тем, что лишь массовое насилие может решить назревшие проблемы. Сегодня эта тенденция проявляется в профессионализации насилия, в формировании личных вооруженных отрядов.

В обществе преобладает расколотая дуальная оппозиция "высшей ценностью является жизнь в локальном сообществе, общине, семье — высшей ценностью является всеобщая правда, мировое всеединство". Смысл, сконцентрированный в каждом из полюсов, утопичен. История страны свидетельствует, что общество было не в состоянии найти меру между этими полюсами, оно инверсионно перескакивало от замыкания интересов, воспроизводственной деятельности в рамках локальных миров, ограниченных сообществ, регионов к абстрактной всеобщности авторитарной государственности и обратно. Стремление к обоим полюсам окрашивалось в различные идеологические формы, например, справедливости, православия, коммунизма, мирового всеединства. Массовое приобщение к каждому из этих полюсов, как и их неорганическое сочетание, несет в сложном обществе разрушительный потенциал. В первом случае государство остается без нравственной поддержки, без ресурсов. Во втором — ресурсы могут в значительной части уходить на воплощение разрушительных и недостижимых целей.

Третий период начался на волне приобщения к первому полюсу, общего поворота от советского тоталитаризма и авторитаризма к локализму, распаду, что уже бывало в России. Сегодня наблюдается ослабление этого процесса. Важным здесь представляется ослабление традиционных для России резких поворотов, сравнительно вялое наращивание локализма после распада СССР и обратного процесса. Это открывает путь для поиска стабилизации и развития без катастрофического нарастания дезорганизации.

Общество, однако, как и прежде, не направляет достаточно энергии для поиска меры между полюсами, их высшего синтеза на всех уровнях, включая формирование функциональной эффективной государственности, одновременно воплощающей массовые ценности.

Спор происходит между утопической возможностью спастись, замкнувшись в своем огороде, и утопией отождествления человека с харизматическим вождем-тотемом. Эти две иллюзии причудливо переплетаются. Первую демонстрируют, в частности, те, кто, отказываясь участвовать в выборах, обрекает тем самым (по крайней мере в своей душе, в своем нравственном сознании) на гибель российскую государственность как таковую. На выборах люди достаточно часто голосуют не столько за программу деятельности, в которой они сами себя мыслили бы ответственными участниками, субъектами, сколько отказывают в поддержке очередному, не оправдавшему надежд тотему, освобождая место следующему, за которого они также не чувствуют себя ответственными. (Следует отметить, что изучение поведения электората очень много дает для анализа динамики нравственного состояния общества.) Политическая жизнь не избавилась от характерной для господства инверсии подмены одного заблуждения противоположным, от стремления молниеносно превращать "низ" в "верх" и наоборот, исходить из архаичных представлений, что Иванушка-дурачок и есть высшее воплощение мудрости и возможный претендент на место харизматического вождя (хотя и на короткое время). Политическая жизнь не преодолела характерного для архаичных нравственных идеалов преобладания эмоционального отношения к государству, к его представителям, к первому лицу.

Слабая массовая ответственность за государство может оставить его на произвол ограниченных групп, вооруженных сил, предоставить решать его судьбу борьбе между правящими группами. С учетом сложившейся в стране мощи монополий — владельцев и распорядителей дефицита, склонных срачиваться с властью, — это открывает

перспективы подчинения политической борьбы в первую очередь интересам монополий разных типов, которые будут постоянно стремиться втягивать в свои столкновения население, используя различного рода модернизированные мифологические представления.

В данной ситуации важное значение приобретают те нравственные основания, которые ведут к ответственному отношению к государству на всех уровнях. Путь в этом направлении лежит через прогресс развитого утилитаризма и одновременно — через отход от сакрального отношения к государству, первому лицу как монополисту ответственности за целое, единственному субъекту прогрессивных инноваций. Развитие утилитаризма и либерализма ведет к осознанию того, что субъектом такой ответственности является каждая личность. Этот процесс, перерастающий в либерализм, включает в себя стремление отделить власть от монополий, однако он не приобрел решающего влияния в обществе, и потому остается значительный простор для эклектических комбинаций различного рода нравственных идеалов, для соответствующих неорганических программ воспроизводства, несущих потенциал дезорганизации.

На этом же пути может быть преодолен нравственный упадок в форме потери интереса к труду. Приватизация жизни не столько снижает его, сколько подчиняет представлениям о необходимости организовать труд в соответствии с интересами личности, семьи, а не коллектива, государства. При этом происходит соединение утилитаризма с локализмом, что в условиях раскола между формами хозяйства, господства монополии на дефицит, слабого развития механизмов, соединяющих общий и частный интерес, приводит к расширению деятельности, когда стремление к труду соединяется с коррупцией, с попытками получить выгоду за счет изъятия ресурсов у соседа. Это мощный фактор дистрофии, дезорганизации общества. Существует риск, что любая форма противостояния этим разрушительным процессам будет превращаться в борьбу различных частных интересов, дезорганизующих целое.

Нет оснований ожидать, что в обозримый период отступит в тень инверсионный тип принятия решений, коренным образом изменится сам тип динамики, связанный с преобладанием инверсионных решений, циклов оборачивания нравственных идеалов. Однако и в рамках этой динамики существует громадное разнообразие возможностей, связанных с ослаблением инверсионной логики, раскола, возрастанием роли медиации. Разнообразие этих возможностей требует, чтобы общество осознало существование проблемы ослабления циклизма, превращения циклов в перспективе из социокультурных поворотов, подчас разрушительных, в содержание интеллектуального диалога между альтернативами динамики.

Прогноз не дает оснований рассчитывать на быстрое и чудодейственное разрешение наших проблем, но ориентирует на необходимость учиться жить, принимать решения в условиях высокой степени дезорганизации, недостаточной культурной интеграции, соединения подчас трудно совместимых нравственных идеалов. Он ориентирует на выявление и поддержку скрытых позитивных процессов, а это требует постоянного нарастания массовой базы либеральной культуры и нравственности, усиления самокритики абстрактного либерализма, постоянного преодоления его собственной ограниченности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер Л.С. Россия: большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1.
2. Ахиезер А.С. Социально-культурные проблемы развития России. М., 1992.
3. Ахиезер А.С. Прогнозирование социокультурной динамики России: вопросы методологии и некоторые результаты // Проблемы прогнозирования. 1993. № 5.
4. Левинсон А.Г. Власть, бизнес и "Запад" // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 4. С.24.

5. Ахиезер А.С. Синкретизм или либерализм // Рубежи. 1995. № 4.
6. Макаревич Л. Отсутствие законов облегчает аферы // Финансовые известия. 1994. 4-10 августа.
7. Мостовщиков С. Невелика Чечня, но отступать — некуда // Известия. 1995. 15 февраля. С.5.